
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).043

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489

МОСКОВСКИЙ ПОЖАР 1547 г. И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ОПЫТ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

THE MOSCOW FIRE OF 1547 AND ITS POLITICAL CONSEQUENCES: THE EXPERIENCE OF REINTERPRETATION

В.В. Пенской

V.V. Penskoj

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Аннотация

В своей статье автор возвращается к событиям июня 1547 г. в столице Русского государства Москве. Грандиозный пожар 21 июня 1547 г., уничтоживший большую часть столицы, стал поводом для восстания 26–29 июня. Это народное выступление стало крупнейшим и единственным в XVI в. Это обстоятельство обусловило и большой интерес к нему со стороны российских историков. Однако, как показывает автор, их интерпретация тех событий, продиктованная господствовавшей в советской историографии научной парадигмой, наложила определенный отпечаток на трактовку июньских событий 1547 г. в Москве. Автор предлагает реинтерпретировать эти события, отказавшись от прежней предвзятости и заново взглянув на источники и содержащиеся в них сведения.

Abstract

The author considers the events of June 1547 in Moscow, the capital of the Russian state. The great fire of June 21, 1547 destroyed a large part of the city and became the reason for the uprising of June 26–29. The uprising was accompanied by riots in the capital and the killings of those whom Moscow *posad* people considered guilty of their misfortunes. This uprising was part of the general political crisis in the Russian state in the 30s and 40s of XVI century and became the largest and only of comparable magnitude in the XVI century. It had serious political consequences for the further development of the Russian state and this circumstance also caused great interest on the part of Russian and foreign historians. The author argues that their interpretation of those events because of the scientific paradigm that dominated Soviet historiography left a definite imprint on the interpretation of the June 1547 events in Moscow. The author proposes to reinterpret these events by rejecting the previous bias and a new look at the sources and the information contained in them.

Ключевые слова: Раннее Новое время, Россия, Иван Грозный, «боярское правление», политический кризис, московские пожары, городские восстания.

Key words: Early Modern period, Russia, Ivan the Terrible, «boyar' rule», political crisis, Moscow fires, urban uprisings.

Великий московский пожар 21 июня 1547 г. и последовавший за ним бунт московских посадских людей отнюдь не были обделены вниманием отечественных историков. Тон в их изучении этой страницы истории эпохи Ивана Грозного задал еще «Колумб российских древностей» Н.М. Карамзин, когда написал, что «для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве» [Карамзин, 1842, стб. 60]. Связь между завершением бурного «боярского правления, наступившего после смерти Василия III, великим пожаром и волнениями в Москве и эпохой пресловутых «реформ Избранной Рады» представлялась несомненной, проблема заключалась лишь в том, какую оценку дать событиям июня 1547 г. и под каким углом зрения их рассматривать.

В советской историографии с ее особым, пристальным интересом ко всякого рода социальным движениям, которые могли быть трактованы как проявления классовой борьбы, такое событие, и к тому же единственное за весь XVI в., как московский пожар 1547 г. и вызванный им бунт городского населения, неоднократно становилось объектом пристального (хотя, быть может, и не столь тщательного, как в случае с городскими восстаниями следующего, XVII столетия) внимания. И рассматривалось это событие прежде всего через призму классовой и антифеодальной борьбы народных масс и, во вторую очередь, в контексте борьбы за власть при дворе юного (а тогда Ивану IV не исполнилось еще и 17 лет) великого князя, недавно торжественно венчанного на царство [См., например: Зимин, 1960, с. 292–306; Шмидт, 1973, с. 13–119; Альшиц, 1988, с. 37–39; Скрынников, 2009, с. 92–93 и др.].

При такой постановке вопроса немудрено, что в соответствии с господствующей научной парадигмой события июня 1547 г. в Москве истолковывались как проявление острого социального противостояния между «черными людьми» и «силными во Израиле» [См., например: Зимин, 1960, с. 296–298]. Лишь Р.Г. Скрынников в 1992 г. заметил, что, поскольку «посадские люди не выдвинули никаких социальных или политических требований, которые отражали бы их классовые интересы», то в таком случае и сам тезис о взрыве классовой борьбы в 1547 г. выглядит сомнительно [Скрынников, 1992, с. 93]. М.М. Кром в 2010 г. и вовсе увязал события июня 1547 г. прежде всего с общим политическим кризисом в Русском государстве в 40-х гг. XVI в. [Кром, 2010, с. 333–339].

В том, что классовый подход в оценке событий июня 1547 г. долгое время доминировал в новейшей отечественной историографии, нет ничего удивительного: с одной стороны, свою роль сыграл упомянутый выше характерный для нее подход к оценке событий политической и социальной истории, а с другой стороны – соответствующая интерпретация сохранившихся источников. Стоит заметить, что московский пожар и волнения, охватившие город после него, оставили глубокий след в памяти современников тех событий и нашли свое отражение в целом ряде нарративных источников. Пожалуй, наиболее глубокий и основательный их анализ (хотя, на наш взгляд, и несколько предвзятый – «сохранившиеся источники очень неполно и крайне односторонне, враждебно отражают данные о московских волнениях июня 1547 г.» [Шмидт, 1973, с. 74]) был дан в свое время С.О. Шмидтом [Шмидт, 1973, с. 14–75]. Это, в общем, избавляет нас от необходимости еще раз возвращаться специально к этой проблеме (и к тому же сам объем статьи не позволяет углубиться в источниковедческий анализ вопроса).

Заметим, однако, что отмеченная историком «враждебность» и «односторонность» в оценке событий июня 1547 г. в Москве, содержащаяся в источниках, на наш взгляд, обусловлена не только и не столько позицией авторов-составителей летописных повестей и иных источников о пожаре и бунте 1547 г., сколько тем «вопросником» (термин А.Я. Гуревича), с которым С.О. Шмидт и другие советские историки подходили к изучению этой проблемы. Так, к примеру, А.А. Зимин поместил раздел о московском пожаре и волнениях в главу об обострении классовой борьбы и городских восстаниях (именно так, во множественном числе!) накануне начала периода реформ [Зимин, 1960, с. 279–315]. На недостатки и однобокость такого подхода к оценке этих и других подобных событий того времени уже было обращено внимание некоторыми отечественными исследователями [См.,

например: Пашкова, 2000, с. 112–113], и, пожалуй, стоит согласиться (осторожно!) с мнением А.Л. Юрганова. Он отмечал, что в исторической науке «любое концептуальное построение должно быть основано на анализе смысловых структур средневекового сознания» [Юрганов, 2018, с. 283].

М.М. Кром, правда, не совсем согласен с такой трактовкой подхода к анализу исторических явлений эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени [Кром, 2005, с. 286–287], однако тем не менее определенные точки соприкосновения в их построениях найти можно. И когда А.Л. Юрганов пишет о том, что для русского книжника «государство в этом контексте (контексте Страшного суда – **В.П.**) – контрапункт эсхатологической идеи, **главное средство коллективного спасения** (выделено нами – **В.П.**)...», почему «верой и правдой надо служить тому, кто «прирожден» быть государем, потому что государь исполняет волю Бога на земле и отвечает пред Судьей за неисполнение его «подвластными» заповедей Божьих» [Юрганов, 2018, с. 354], то как это расходится с высказанным М.М. Кромом тезисом о доминировании в московском политическом «дискурсе» XVI в. идеи стремления к высшему благу и общей пользе и осмыслении московскими книжниками конфликтов внутри целостного «политического тела» Русского государства как дьявольских козней? [Кром, 2005, с. 291, 292–293]. На наш взгляд, никак, тем более что нам приходится так или иначе работать с текстами, которые рождались в интеллектуальной, книжной среде «говорящего меньшинства», и именно оно, это меньшинство, и создавало те смыслы и «дискурсы», изучая которые мы и пытаемся понять духовный мир человека той эпохи. Руководствуясь этими идеями и составив в соответствии с ними свой «вопросник», с которым мы подойдем к анализу содержания сохранившихся источников, содержащих сведения о событиях июня 1547 г., попробуем иначе взглянуть на «восемь дней, которые потрясли Россию» и сформулировать ответ на вопрос – что же тогда произошло в столице: была ли это вспышка классового боя, как полагал А.А. Зимин [Зимин, 1960, с. 307–308], или же «примитивный бунт», как полагал С.О. Шмидт? [Шмидт, 1973, с. 114]. Или же нечто иное – некое «ритуальное действие» (Н. Коллманн) с участием народа и царя, в ходе которого проверялась на прочность верховная власть и утверждалась ее легитимность в глазах народа? [Kollmann, 2012, p. 386].

Для ответа на этот вопрос обратимся прежде к хронологии событий. Здесь необходимо отметить, что в нарративных источниках, описывающих события 21–29 июня 1547 г., есть две версии этих событий – условно «ранняя», составленная вскоре после пожара и волнений и отраженная в официальном летописании и новгородской летописной традиции [См.: Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 620–621; Постниковский летописец, 1978, с. 29–30; Львовская летопись, 2005, с. 471–472; Летописец начала царства, 2009, с. 51–52, 54. См. также: О великом и сугубом пожаре, 1958, с. 197–203; Жарков, 1962, с. 224–226], и «поздняя» [См.: Первое послание Курбскому, 2005, с. 35–36; Летописец начала царства, 2009, с. 454–457], которая основывается на свидетельствах самого Ивана Грозного и т. н. «Царственной книге». Эта версия появилась на свет существенно позднее. Определенные противоречия между двумя этими версиями были замечены давно, и, выражая общее мнение отечественных историков, М.М. Кром отмечал, что «исследователи справедливо подчеркивают тенденциозность приписок к Царственной книге и отдают предпочтение версии, отразившейся в более ранних летописных памятниках» [Кром, 2010, с. 337].

Осмелимся отметить, однако, что, на наш взгляд, тенденциозны и субъективны (в силу особенностей формы и содержания самих источников) и та, и другая версии, но каждая по-своему. Да, конечно, во второй версии на первый план выступает роль враждебного Глинским старого московского боярства, однако, с одной стороны, почему они не могли использовать озлобленность москвичей против «силных во Израиле» и перенаправить их разрушительную энергию на «чужаков» Глинских? С другой стороны, тот же М.М. Кром несколько дальше пишет о шагах Ивана IV, направленных на стабилизацию отношений с боярством и «соборе примирения» в феврале 1549 г. [Кром, 2010,

с. 335–355]. Закономерен вопрос – если юный государь попытался наладить отношения с аристократией и положить конец перманентному политическому кризису, не прекращавшемуся полтора десятка лет с момента смерти его отца, то зачем тогда, в таком случае, в **официальной** (выделено нами – **В.П.**) версии событий, зафиксированной в том же «Летописце начала царства», выпячивать роль боярства в убийстве царского дяди? А вот в конце 60-х – начале 70-х гг. необходимости в сокрытии неудобных фактов придворной борьбы за власть не было, и можно было смело указать на виновников случившегося. Сам Иван свидетельствовал в первом послании Курбскому, что тогда, после московской трагедии, он «пред отцем своим и богомольцем, пред Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем в том простихомся; вас же, бояр своих, и всех людей своих в преступлениях пожаловал и впредь того не воспомяти, и тако убо мы всех вас яко благи начахом держати», но, увы, бояре «перваго своего лукаваго обычея не оставите, но паки на первое возвратистесь» [Первое послание Курбскому, 2005, с. 37]. Заметим, кстати, что составитель «Царственной книги» и приписок к ней не щадит и самих Глинских, показывая их как одних из виновников случившегося бунта. Одним словом, мы не видим веской причины оказывать предпочтение той или иной версии перед другой и уверенно полагаем, что обе версии отнюдь не противоречат друг другу, а прекрасно дополняют одна другую, и вторая версия расставляет все точки над «i» в описании событий 26 июня 1547 г. Сопоставление их позволяет нарисовать «стереоскопическую» картину июньских волнений в Москве, что мы и сделаем.

Весна 1547 г. запомнилась москвичам чередой больших пожаров. Сперва, 12 апреля, огонь выжег торговые ряды «со многими тавары от Никольского крестца и до речной стены градные, и гостины дворы великого князя, и дворы людцкие и животы многие погореша от Ильинские улицы и до городской стены». Затем, спустя неделю, 20 апреля, «загореша за Яузою на Болвановье и погореша Гончяры и Кожевники вниз подле реку Москву» [Летописец начала царства, 2009, с. 50]. В накаленной атмосфере опустошенной пожарами Москвы посадские люди занялись розыском подозреваемых в поджогах и их наказанием. «А говорили про оба пожара, – записал летописец, рассказывая об этих пожарах, – что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали» [Постниковский летописец, 1978, с. 29].

Беспорядки в городе, начавшиеся было после пожара 20 апреля, скоро как будто приутихли, однако в воздухе по-прежнему стояло напряжение, готовое в любой момент взорваться новой волной насилия и кровопролития. Масла в огонь подливала засуха, установившая в конце весны, хлебная дороговизна и повышение налогов (в преддверии похода на Казань и готовящейся свадьбы Ивана – «тое же зимы царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублей, и оттого крестьяном тегота была великая) [Русский Хронограф, 2005, с. 526–527]. Среди горожан поползли зловещие слухи, что де «явились на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца», а тут еще 1 июня случилось небесное знамение: «Во Пскове бысть знамение: на небеси кроуг надо всем Псковом бел, а от Москве на тои кроуг на белой инья круги яко доуги видно на край настоупили, страшни велми, и на болшом кругоу перепояски» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 232].

3 июня 1547 г. неожиданно рухнул колокол-благовестник Благовещенского собора во Кремле – еще один явно недобрый знак, только усиливший напряженное ожидание новых бед [Летописец начала царства, 2009, с. 51; Постниковский летописец, 1978, с. 29]. В первых числах июня в Москве случился очередной пожар, и в довершение всех несчастий 21 июня во второй половине дня («во 12 час дня») «загореша храм Воздвижение честнаго креста за Неглинною на Арбацкои улице на Острове».

Новый пожар (якобы предсказанный накануне, 20 июня, Василием Блаженным [Степенная книга, 2008, с. 353–354]) «на третьем часу ноци преста». Однако этих не-

скольких часов хватило, чтобы огненная буря («и бысть буря велика, и потече огонь якоже молния, и пожар силен») сожгла практически всю Москву. «Прежде убо сих времен памятные книзи временный пишут, таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися», – устрешенный увиденным, записал русский книжник [Летописец начала царства, 2009, с. 52, 54]. И было от чего содрогнуться – новгородский летописец сообщал, что в столице сгорело дворов «белых и черных» 25 тысяч, а еще 250 церквей и погибло в пламени и в дыму 2700 москвичей (разброс данных о числе погибших в пожаре – от 1700 в «летописце начала царства» до 3700 в «Хронографе» редакции 1512 г.) [См.: Летописец начала царства, 2009, с. 54; Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 620; Русский Хронограф, 2005, с. 527]. Москва обратилась в пепел. «Не видети иного ничего же, но токмо дым и земля и трупия мертвых многолежаще», – подытожил впечатления от случившегося неизвестный русский книжник [Жарков, 1962, с. 225].

На следующее утро на пепелище приехал из подмосковного села Остров, где он пребывал всю весну и начало лета с молодой женой, Иван IV. Его сопровождал брат Юрий и многочисленная свита. Юный царь, писал книжник, «видеше граду погоревшу от огня и святыя церькви и людей погорело много, лежаще трупья мертвых», расплакался и, «зряше беду, створяшуюся на граде его и на святых церьквах, и бывшую печаль князем и бояром, и мужем москвичом прослезився тешаиши и рек: «Не скорьбите князи и бояре мои и народи. Господь бог дал, господь взял. Буди имя господне благословенно отныне и до века. Киждо люде мои ставите хоромы по своих местех. А яз вас жаловати ради лготу дати» [Жарков, 1962, с. 225]. Отметим, что, на наш взгляд, ничего невероятного в описанной сцене нет, равно как и общий смысл слов, которые произнес Иван, книжник передал достаточно точно – именно так и должен был вести себя православный государь и именно этого ожидали от него москвичи.

Обещание царского «жалования» погорельцам, очевидно, должно было ускорить преодоление последствий катастрофы и снять напряжение в московском обществе. И, надо полагать, стремясь закрепить эффект от объявленных мер, на следующий день, 23 июня, Иван с боярами снова приехал в Москву. На этот раз он направился к митрополиту Макарию, сильно пострадавшему во время пожара и приходившему в себя в Новинском монастыре [Жарков, 1962, с. 225–226]. Об этом визите царя «со всеми бояры» к митрополиту упоминает и составитель Постниковского летописца, современник и, видимо, очевидец тех событий [Постниковский летописец, 1978, с. 30].

На этом совете, судя по всему, произошел неприятный инцидент, имевший далеко идущие последствия, и о котором на первых порах, при составлении официальной версии случившегося, было решено умолчать. После того как Макарий «много и словесы духовными митрополит тешашо царя государя и великого князя, **поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти** (выделено нами – В.П.)...» [Жарков, 1962, с. 226], слово взял царский духовник протопоп Федор Бармин, которого поддержали бояре И.П. Федоров и князь Ф.И. Скопин-Шуйский. «Вражиим наветом начаша глаголати», – писал составитель «Царственной книги», – что де пожар на Москве случился по той причине, что некие злодеи «вълхвъванием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре». Царь, потрясенный увиденным в Москве и находившийся под влиянием речей Макария, продолжал книжник, «велел того бояром сыскати» [Царственная книга, 2000, с. 455–456 (правый столбец)]. Выходит, что на совете в Новинском монастыре было решено создать специальную «комиссию» для расследования причин случившегося и наказания виновных.

24-е и 25-е июня в Москве прошли относительно спокойно – во всяком случае ни один источник не сообщает о каких-либо происшествиях, которые случились в эти два дня в столице. Однако нет сомнений в том, что атмосфера в сгоревшей Москве оставалась чрезвычайно напряженной, слухи о причинах пожара и его виновниках продолжали множиться, причем в этих слухах начал фигурировать и сам юный царь. Во всяком случае именно так можно трактовать якобы предсказанные четырьмя вселенскими патриархами

последствия для государства и «мира» рождения во втором браке Василия III наследника престола, который «будет грабитель чужаго имения, моль же поядает ризы, а чужого имения граблением и свое все истребит, и наполнится ... царство страсти и печали, и будут в та лета убивания многа и муки Сарападасийских родов, и юнош нещадение, и ово на кола, а иным усечение главы, и затоцы без милости, и мнози гради огнем попрании будут» [Выпись из государевой грамоты..., 1847, с. 5].

Старая московская знать решила воспользоваться этой накаленной до предела обстановкой и обратить гнев москвичей на «чужаков» – семейство Глинских. Мотив этот, кстати, хотя и был отмечен в отечественной исторической литературе, однако же походя, мимоходом. Более того, М.М. Кром отмечал, что «акцент на придворных интригах и происках врагов Глинских, характерный для приписок к Царственной книге (а ранее – для рассказа Ивана Грозного о тех же событиях), **серьезно искажает картину восстания** (выделено нами – **В.П.**)...» [Кром, 2010, с. 338]. Правда, еще С.О. Шмидт осторожно указывал на то, что «сомнения в том, что именно бояре «наущали» народ на Глинских, вовсе не означает отрицания того факта, что придворные группировки – по тем или иным соображениям – были заинтересованы в падении Глинских и, возможно, даже рассчитывали на то, что расправа с Глинскими и отречение боярства от ответственности за все дурное, что было в годы правления Глинских, утолит ярость восставших, отвратит гнев народа и от царя и от боярства в целом» [Шмидт, 1973, с. 98], а И.И. Смирнов писал о хитроумном политическом маневре московской правящей элиты, который позволял посредством жертвы того или иного ее представителя сохранить незыблемым и существующий порядок вещей, и свои господствующие позиции [Смирнов, 1958, с. 134]. Отметим также, что П.П. Смирнов и С.О. Шмидт намекали на возможность того, что московские пожары 1547 г. носили отнюдь не случайный характер и были связаны с острой борьбой за власть при дворе Ивана IV [См.: Смирнов, 1947, с. 108; Шмидт, 1973, с. 80]. Учитывая все эти обстоятельства, а также «классовую» направленность советской историографии, мы полагаем более чем вероятным именно тот сценарий событий 26–29 июня 1547 г., что был изложен Иваном Грозным и составителем «Царственной книги».

Согласно «поздней» версии событий, во 2-й половине дня воскресенья 26 июня члены боярской «комиссии» по расследованию причин пожара 1547 г. собрались на площади перед Успенским собором Кремле – одним из немногих московских храмов и церквей, уцелевших в пожаре. Здесь уже собралась немалая толпа московских посадских людей. Боярам вовсе не нужно было собирать их здесь, что считал маловероятным И.И. Смирнов и вслед за ним М.М. Кром [Кром, 2010, с. 388], подчеркнем еще раз – события, о которых пойдет речь дальше, происходят в воскресенье, во время обедни в одном из немногих уцелевших соборов. Где и когда, как не здесь и не в это время, собраться погорельцам в поисках утешения? И появление боярской «комиссии» здесь в это время вряд ли было случайным, если не сказать больше – учитывая дальнейшее развитие событий, предположим, что некоторые члены «комиссии» в ходе расследования имели 24–25 июня предварительные контакты с московской посадской верхушкой и договорились о своем выступлении 26-го на площади перед Успенским собором.

Предугадать то, что случилось затем, нетрудно. Упомянувшийся прежде протопоп Федор Бармин, бояре князя Ф.И. Скопин-Шуйский и Ю.И. Темкин-Ростовский, И.П. Федоров, Г.Ю. Захарьин, окольный Ф.М. Нагой (очевидно, что перед нами «следственная комиссия», во всяком случае, ее главные члены – **В.П.**) и «инии мнози» «начаша вопрошать: кто зажигал Москву» у собравшейся перед собором толпы. Толпа же отвечала, что во всем виновата Анна Глинская, бабка Ивана IV, которая «з своими детми и с людьми вълхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела». И дальше составитель «Царственной книги» указывал (на что, кстати, не особенно принято обращать внимание), что «сие глаголаху черни людие того ради, что **в те поры Глинские у государя в приближении и жалование, а от людей их черным людям насилство и грабеж, они же их от того не унимаху** (выделено

нами – **В.П.** Автор этого пассажа отнюдь не покрывает царского родственника, но прямо обвиняет его и его людей в лихоимстве и насилиях на «меншими людми»)...

Князь Ю.И. Глинский, по словам книжника, присутствовавший при этом на площади, попытался было укрыться в церкви, однако бояре (выходит, это те самые «болшие люди», о которых говорил в описании событий этого дня новгородский книжник – **В.П.**) «по своей к Глинским недружбе наустиша черни», которая и убила князя прямо в соборе, после чего, «извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед Торгом, идеже казнят» [Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)]. Иван Грозный в письме Андрею Курбскому также отмечал, что его дядя был убит толпой прямо в церкви, «против митрополичья места» [Первое послание Курбскому, 2005, с. 35]. Продолжатель Хронографа редакции 1512 г. добавил к этому описанию интересную деталь – по его словам, посадские люди собрались «вечьем» и указывает на примерное время убийства Глинского – «на обедне на Иже-херувимской песни». [Русский Хронограф, 2006, с. 527]. Еще одну деталь сообщает новгородский книжник. По его словам, князя Юрия убили на Москве «**болшие и черные** люди (выделено нами – **В.П.**)...», которые «извлекли из церкви едва жива и скончаша злою смертию (миниатюра из «Лицевого свода» показывает, как москвичи побивают Глинского камнями – **В.П.**), извлекоша из града привязана ужем», т. е. труп убитого, обвязав за ноги веревкой, выволокли на торжище, подвергнув тем самым посмертному поруганию [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621].

Распаленная убийством Юрия Глинского толпа ринулась в город в поисках объявленных виновниками пожара Анны и Михаила Глинских. Князь Михаил в то время, судя по всему, отсутствовал в городе, находясь на службе во Ржеве, а княгиня Анна, похоже, успела бежать из столицы, затопленной волной насилия, к сыну. Не найдя их в городе, толпа обратила свой гнев на людей Глинских. Погромы растянулись на два дня, 27-го и 28-го июня, и в эти два дня московские посадские люди «детей боярских многих побиша, а людеи княжь Юрьевых безчислено побиша и живот княжои розбиша». Свои действия «черне людие града Москвы» мотивировали тем, что де «вашим (т. е. Глинских – **В.П.**) зажиганием дворы наши и животы погореша» [Летописец начала царства, 2009, с. 54]. В ходе погромов просматривается и отчетливый ксенофобский мотив – под горячую руку москвичей попали и северские служилые люди, к своему несчастью оказавшиеся в те дни в столице и поименованные столичными посадскими «Глинского людми» [Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)]. Невольно напрашивается параллель с событиями 1157 г. в Киеве, когда после внезапной смерти князя Юрия Владимировича киевляне взволновались и учинили погромы в городе. «И много зла створися в ть день: розграбиша дворе его (Юрия – **В.П.**) красный, и другый двор его за Днепром разьграбиша, его же звашет сам раем, и Василков двор сына его разграбиша в городе; **избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товарь их грабяче** (выделено нами – **В.П.**)...» [Ипатьевская летопись, 2001, с. 336].

Однако не убийство Юрия Глинского и погромы, прокатившиеся после этого по Москве, стали высшей точкой московских волнений. Своего апогея они достигли 29 июня, когда ситуация в столице, похоже, явно вышла из-под контроля властей (или тех, кто ее пытался подменить в эти дни – верхушки московского посада?). «А после того убийства (Юрия Глинского – **В.П.**) на третей день приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево», – писал составитель «Царственной книги», – с требованием выдать им на расправу княгиню Анну Глинскую и князя Михаила Глинского, брата убитого Юрия [Царственная книга, 2000, с. 456–457 (правый столбец)]. Новгородский книжник сообщал еще одну любопытную деталь этого похода. «По кличю палачя», писал он, московские посадские люди «поидоша» в Воробьево, где в это время находился царь, «с щиты и з сулицы, яко же к боеви обычай имяху» [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621]. Связано ли это было с тем, что Глинских обвиняли не только в умышленных поджогах, но и в том, что они «норовили иноплеменным» и навели на Русскую землю татар («бе же тогда пришил со мною силою царь Крымской и стоял в полях») [Новгородская 4-я летопись,

1929, с. 621], или же это была форма давления на верховную власть – сегодня трудно сказать что-либо определенное. Но вот что представляется несомненным – так это то, что этот поход явно состоялся в рамках продолжавшегося «обыска» виновников пожара (о чем косвенно свидетельствует, в частности, указание летописи на то, что поход состоялся «по кличу палачая»).

Для Ивана IV явление в его загородном селе огромной толпы народа, да еще и вооруженной, было пренеприятнейшим сюрпризом. Страшный пожар и картины оставленных им опустошений и без того потрясли до глубины души его впечатлительную натуру («и от сего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, уи умилихся, и познах своя согрешения, и прибегах ко святей соборней и апостольстей церкви» [Стоглав, 1863, с. 31]), а здесь, оказавшись фактически один на один с бушующей толпой, требовавшей от него правосудия, не имея за спиной силы, способной в случае чего поддержать его, он растерялся («князь же великий, того не ведая, оузрев множество людеи, оудивися и оужасеся» [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621]). Позднее, в послании князю Курбскому, он вспоминал, что изменники бояре наущали народ, что де он знал о том, что его бабка занималась ведовством и подговаривали рядовых москвичей убить его, государя, за то, что он де прячет Анну Глинскую и ее сына Михаила у себя в Воробьево [Первое послание Курбскому, с. 35].

Так это было или не так, но состояние Ивана можно легко представить, если провести аналогию с поведением Алексея Михайловича, точно так же представшего перед возмущенным «черным людом» московским в дни Соляного бунта и вынужденным пойти на серьезные уступки восставшим. Судя по всему, Иван позволил произвести обыск в Воробьево с тем, чтобы московский черный люд смог убедиться воочию, что он не прячет в своей загородной резиденции Анну и Михаила Глинских (князь Михаил в то время находился во Ржеве на службе и, видимо, к нему бежала из Москвы с началом всех этих событий Анна Глинская). Не найдя Глинских, москвичи удалились из Воробьева – очевидно, исходя из контекста последующих событий, и потому еще, что юный царь обещал им исправиться, лично заняться наказанием «лихих людей» и выполнять как должно возложенные на него Господом обязанности православного государя.

В этой истории одно остается неясным – в силах боярства было не допустить похода москвичей на Воробьево. Уж кто-кто, а они-то уж точно знали, что ни Михаила, ни Анны Глинских там не было. Однако же они этого не сделали. Почему? Насколько прав был Иван Грозный, обвиняя впоследствии их в том, что некоторые из них умышляли на убийство его или же это те самые «детские страшили», отпечатавшиеся в его сознании во время переговоров с бушующей толпой? На эти вопросы однозначного ответа нет.

Вооруженный поход московских посадских людей на Воробьево 29 июня 1547 г. стал жирной точкой в истории московского бунта 1547 г. Летописи больше ничего не сообщают о том, что происходило в городе, однако само это молчание красноречиво свидетельствует в пользу того, что в Москве наступила тишина и спокойствие. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Здесь, очевидно, и меры, предпринятые «правительством» по преодолению последствий пожара (о которых объявил Иван еще 22 июня 1547 г.), и удаление от дел наиболее одиозных личностей вроде того же псковского наместника князя И.И. Пронского Турунтая или Михаила Глинского (оба они вместе с женами, а Михаил – еще и с матерью, в ноябре 1547 г. попытались даже бежать в Литву, предварительно списавшись с Сигизмундом II, но были перехвачены по пути и принуждены вернуться в Москву [Кром, 2010, с. 341–345]). Нельзя не упомянуть и о начавшемся преследовании особенно «отличившихся» на стезе мздоимства должностных лиц. Так, в псковской 3-й летописи сохранилось любопытное свидетельство о целой военной операции под началом новгородского дворецкого С.А. Упина, предпринятой в целях ареста «пошлинника» Салтана Сукина, а новгородская летопись подтверждает факт мобилизации новгородцев для этого похода и многочисленных арестов «разбойников» в Опочке и отправки их в Москву [См.: Новгородская 4-я летопись 1929, с. 621; Псковская 3-я летопись.

2000, с. 232]. Свою роль, несомненно, сыграл также и отказ Ивана от преследования рядовых москвичей-участников июньских волнений (за исключением зачинщиков бунта и, возможно, непосредственных виновников убийства Юрия Глинского [Новгородская 4-я летопись 1929, с. 621]).

Подводя общий итог проведенного расследования, отметим, что, на наш взгляд, случившееся в Москве 26–29 июня 1547 г. нельзя трактовать однозначно, поскольку произошедшее стало результатом наложения и переплетения целого ряда факторов и тенденций. Продолжающийся политический кризис при дворе, рост злоупотреблений и лихоимства со стороны власть имущих и их людей, притеснения ими простонародья, умножение преступности, усиливающийся налоговый пресс и дороговизна – все это и многое другое, обусловленное специфическими условиями развития ситуации во «вдовствующем царстве» не могло не привести к накоплению определенной критической массы. Пожар 21 июня лишь ускорил трагическую развязку, в ходе которой имели место и попытка сведения политических счетов, и «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и попытка низов посредством прямого общения с верховной властью (и давления на нее) добиться удовлетворения своих требований.

Список литературы

1. Альшиц Д.Н. 1988. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. М. Наука, 244.
2. Выпись из государевой грамоты к в. к. Василию Ивановичу о сочтании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради, творение Паисьино, старца Ферапонтова монастыря. Послание четырех патриарх. 1847. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. № 8. IV. Смесью: 1–8.
3. Жарков И.А. 1962. К истории московских пожаров 1547 г. Исторический архив. 3: 226–223.
4. Зимин А.А. 1960. Реформы Ивана Грозного. М., Соцэкгиз, 511.
5. Иван Грозный. 2005. Первое послание Курбскому (1564). Послания Ивана Грозного. СПб., Наука: 9–71.
6. Карамзин Н.М. 1842. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. СПб., тип. Э. Праца. 630.
7. Ипатьевская летопись. 2001. Русские летописи. Т. XI. Рязань, Александрия, 672.
8. Кром М.М. 2010. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века. М., Новое литературное обозрение, 888.
9. Кром М.М. 2006. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника. 2005. М., Наука: 283–303.
10. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича 2009. ПСРЛ. Т. XXIX. М., Знак: 9–116.
11. Львовская летопись. 2005. ПСРЛ. Т. XX. М., Языки славянских культур, 704.
12. Новгородская 4-я летопись. Список Н.К. Дубровского. 1929. ПСРЛ. Т. IV. Часть 1. Вып. 3. Л., АН СССР: 1–632.
13. О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении, иже на воздухе заступлением Пречистые Богородицы. 1958. Зимин А.А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания. Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 20. М., библиотека им. В.И. Ленина: 198–203.
14. Пашкова Т.И. 2000. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., Древлехранилище, 215.
15. Постниковский летописец. 1978. ПСРЛ. Т. 34. М., Наука: 8–30.
16. Псковская 3-я летопись. 2000. ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., Языки русской культуры, 368.
17. Русский Хронограф. Часть первая. 2005. ПСРЛ. Т. XXII. М., Языки славянских культур: 1–538.
18. Скрынников Р.Г. 1992. Царство террора. СПб., Наука, 574.
19. Смирнов И.И. 1958. Очерки политической истории Русского государства 30 – 50-х годов XVI века. М.-Л., АН СССР, 515.

20. Смирнов П.П. 1947. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.-Л., АН СССР, 490.
21. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. 2008. Т. II. Степень XVII. М., Языки славянских культур, 568.
22. Стоглав. 1863. СПб., тип. Императорской Академии наук, 344.
23. Царственная книга. 2000. ПСРЛ. Т. XIII. М., Языки русской культуры: 439–532.
24. Шмидт С.О. 1973. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., Мысль, 359.
25. Юрганов А.Л. 2018. Категории русской средневековой культуры. СПб., Центр гуманитарных инициатив, 368.

References

1. Al'shicz D.N. 1988. Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The beginning of autocracy in Russia. State of Ivan the Terrible]. М., Nauka, 244.
2. Vy'pis' iz gosudarevoj gramoty' k v. k. Vasiliyu Ivanovichu o sochtanii vtorogo braka i o razluchenii pervogo braka chadorodiya radi, tvorenie Pais'ino, starca Ferapontova monasty'rya. Poslanie chety'rex patriarx [An inscription from the sovereign's letter to V.K. Vasily Ivanovich about the second marriage and the dissolution of the first marriage for the sake of childbearing for the creation of Paisyino, the old man Ferapontov monastery. Message of the Four Patriarchs]. 1847. Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej Rossijskix pri Moskovskom universitete. № 8. IV. Smes': 1–8.
3. Zharkov I.A. 1962. K istorii moskovskix pozharov 1547 g. [On the history of Moscow fires in 1547]. Istoricheskij arxiv. 3: 226–223.
4. Zimin A.A. 1960. Reformy' Ivana Groznogo [Reforms of Ivan the Terrible]. М., Socz'kgiz, 511.
5. Ivan Grozny'j. 2005. Pervoe poslanie Kurbskomu (1564) [The first epistle to Kurbsky (1564)]. Poslaniya Ivana Groznogo. SPb., Nauka: 9–71.
6. Karamzin N.M. 1842. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian State]. Kn. II. T. VIII. SPb., tip. E'. Pracza, 630.
7. Ipat'evskaya letopis' [Ipatiev Chronicle]. 2001. Russkie letopisi. T. XI. Ryazan', Aleksandriya, 672.
8. Krom M.M. 2010. «Vdovstvuyushhee czarstvo»: politicheskij krizis v Rossii 30 – 40-x godov XVI veka [«The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s – 40s of the 16th Century]. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 888.
9. Krom M.M. 2006. K ponimaniyu moskovskoj «politiki» XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoj monarxii [To the Understanding Moscow «Politics» of the 16th Century: Discourse and Practice of the Russian Late Medieval Monarchy]. Odissey. Chelovek v istorii. Vremya i prostranstvo prazdnika. 2005. М., Nauka: 283–303.
10. Letopisech nachala czarstva czarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [Chronicle of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilievich] 2009. PSRL. T. XXIX. М., Znak: 9–116.
11. L'vovskaya letopis'. 2005. PSRL. T. KhKh. М., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 704.
12. Novgorodskaya 4-ya letopis'. Spisok N.K. Dubrovskogo [Novgorod 4th Chronicle List of N.K. Dubrovsky]. 1929. PSRL. T. IV. Chast' 1. Vy'p. 3. L., AN SSSR: 1–632.
13. O velikom i sugubom pozhare i o milostivom zashhishhenii, izhe na vozduse zastupleniem Prechisty'e Bogorodicy [About the great and pure fire and gracious protection, like those on the air by the intercession of the Most Holy Theotokos]. 1958. Zimin A.A. Povesti XVI veka v sbornike Rogozhskogo sobraniya. Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V.I. Lenina. Vy'p. 20. М., biblioteka im. V.I. Lenina: 198–203.
14. Pashkova T.I. 2000. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoj poloviny' XVI veka: namestniki i volosteli [Local government in the Russian state of the first half of the XVI century: governors and sheriffs]. М., Drevlexranilishhe, 215.
15. Postnikovskij letopisech [Postnikov's chronicle]. 1978. PSRL. T. 34. М., Nauka: 8–30.
16. Pskovskaya 3-ya letopis' [Pskov 3rd Chronicle]. 2000. PSRL. T. V. Vy'p. 2. М., Yazy'ki russkoj kul'tury', 368.
17. Russkij Xronograf. Chast' pervaya [Russian Chronograph. Part one]. 2005. PSRL. T. XXII. М., Yazy'ki slavyanskix kul'tur: 1–538.

18. Skry`nnikov R.G. 1992. Czarstvo terrora [Kingdom of terror]. SPb., Nauka, 574.
19. Smirnov I.I. 1958. Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30 – 50-x godov XVI veka [Essays on the political history of the Russian state of the 30s – 50s of the 16th century]. M.-L., AN SSSR, 515.
20. Smirnov P.P. 1947. Posadskie lyudi i ix klassovaya bor`ba do serediny` XVII veka [The Posad people and their class struggle until the middle of the 17th century]. T. I. M.-L., AN SSSR., 490.
21. Steppennaya kniga czarskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam [The Range Book of the Tzar's Family Genealogy according to ancient lists]. 2008. T. II. Stepen` XVII. M., Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 568.
22. Stoglav [The One Hundred Chapters]. 1863. SPb., tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 344.
23. Czarstvennaya kniga [The Regal Book]. 2000. PSRL. T. XIII. M., Yazy`ki russkoj kul`tury` : 439–532.
24. Shmidt S.O. 1973. Stanovlenie rossijskogo samodержавstva. Issledovanie social`no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo [The formation of the Russian autocracy. A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. M., My`sl`, 359.
25. Yurganov A.L. 2018. Kategorii russkoj srednevekovoj kul`tury` [Categories of Russian medieval culture]. SPb., Centr gumanitarny`x iniciativ, 368.
26. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Пенской В.В. Московский пожар 1547 г. и его политические последствия: опыт реинтерпретации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 479–489. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489

Penskoj V.V. The moscow fire of 1547 and its political consequences: the experience of reinterpretation. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V. 46. № 3. P. 479–489. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489